

СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

УДК 336.273(47+57)''1814/1815''

О. В. Баев

ВНЕШНИЙ ДОЛГ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

Аннотация. Рассмотрена трансформация внешнего государственного долга Российской империи в ходе работы Венского конгресса. Сыграв значительную роль в победе над наполеоновской Францией и восстановлением независимости Нидерландов, российское правительство небезосновательно рассчитывало на переложение части своего внешнего долга на Англию и Голландию. В ходе работы Венского конгресса было принято соответствующее решение и половина «голландского займа» России стала оплачиваться правительствами Великобритании и Нидерландов.

Ключевые слова: Россия, внешний долг, Венский конгресс, Голландия, Англия.

В результате «наполеоновских войн» Россия на 1 января 1815 г. недоплатила по своему займу в Голландии процентов и капитала на 13 млн гульденов, поэтому общая сумма данного долга возросла до 95 млн гульденов. Вместе с тем, по мнению министра финансов Д. А. Гурьева, голландский долг необходимо было продолжать выплачивать, если правительство не сможет заключить нового соглашения, которое предусматривало бы более выгодные условия уплаты и срока его погашения. При этом ежегодно необходимая на погашение долга сумма в 12 млн должна была сокращаться из-за постепенной уплаты капитала и улучшения курса. Сэкономленные средства Гурьев предлагал направлять на досрочное погашение голландского долга или уменьшение количества ассигнаций [4, л. 42 об., 43 об., 68 об., 69 об.].

Управление новой системой долгов Гурьев предлагал возложить на Комиссию погашения долгов, главные обязанности которой состояли бы в ведении Государственной книги долгов, внесении в неё займов, выдаче по ним облигаций, переводе средств за границу и т. д. Доходы, которые назначались на этот предмет, должны были быть «отделены от прочих государственных расходов» и поступать в комиссию из Государственного казначейства. Открытие нового займа должно было сопровождаться назначением особенного источника дохода для платежа процентов и капитала [4, л. 79 об., 80 об.]. Всего же в 1815 г. на платёж долгов было ассигновано 30 737 855 р. 52 к. по росписи и 2 104 559 р. 15¼ к. «по чрезвычайным сметам» [10, л. 202 об.].

Однако на деле в течение 1815 г. по отношению к голландскому займу приняты были две другие важные меры. Высочайшим указом 14 октября он был увеличен на 18 млн гульденов, накопившихся вследствие приостановления

платежей по этому займу в 1812–1815 гг. (купоны, представляющие сумму процентов за 1812–1815 гг., на сумму 16 644 000 гульденов, проценты на проценты на сумму 1 242 600 и премия в пользу предъявителей купонов за означенные годы как вознаграждение за то, что в качестве оплаты вместо наличных денег они получали облигации, на сумму 113 400). Частичные облигации на эту сумму по 1000 гульденов выданы были на одинаковых основаниях с облигациями 1798 г. Погашение долга должно было производиться ежегодно в размере 1 млн гульденов посредством тиража 1000 номеров облигаций в Амстердаме у банкиров «Норе & Со» в присутствии нотариуса и свидетелей. Уплата 5 % по этому займу, начиная с 1 января 1816 г., должна была производиться ежегодно 31 декабря также у «Норе & Со», которые получили единовременное вознаграждение в 6,5 % с вновь реализуемых 18 млн гульденов [3, с. 24–25]. Тем самым, по мнению Гурьева, кредиторы получили «соразмерное вознаграждение касательно процентов за всё время приостановления платежа, со стороны нашей непроизвольного, но силой обстоятельств вынужденного» [7, с. 8]. Н. И. Тургенев считал, что благодаря этой мере российское правительство приобрело большой кредит в Голландии и других богатых капиталами странах [11, с. 327].

Вместе с тем ещё 5 (17) февраля 1814 г. российский министр иностранных дел К. В. Нессельроде написал уполномоченному на мирных переговорах в Шатийоне А. К. Разумовскому о желании российского правительства переложить уплату долга Голландии на британское и голландское правительства, которые «извлекли из успехов нашего оружия самую непосредственную выгоду» [2, с. 574]. 22 февраля (6 марта) 1814 г. К. В. Нессельроде обратился с соответствующим предложением уже к министру иностранных дел Англии Р. Карсли [2, с. 602]. Поначалу правительство Великобритании даже не пожелало обсуждать это предложение [2, с. 783], но во время визита Александра I в Лондон в июне 1814 г. выразило готовность облегчить бремя российского долга в обмен на смягчение таможенной политики России [12, с. 179].

9 июля 1814 г. (ст. ст.) исполняющий обязанности полномочного министра Англии в России Уолпол сообщил Карсли о намерении Гурьева потребовать от Голландии списания значительной части российского долга из-за нежелания или неспособности выплатить хотя бы часть суммы долга. В ответ 11 июля (н. ст.) Карсли уведомил Нессельроде, что «разложение голландского займа равными долями на Великобританию, Россию и Голландию» возможно в случае присоединения к последней Бельгии и Люксембурга и «более дружественного характера» торговых отношений между Россией и Великобританией [12, с. 182, 184–185].

Во время Венского конгресса 7 (19) мая 1815 г. между «Его Величеством императором Всероссийским, Его Величеством королем Нидерландским и Его Величеством королем Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии» была заключена конвенция «О вознаграждении России за издержки,

понесенные в освобождении от неприятеля бельгийских провинций». В преамбуле к ней объявлялось, что «с самого дня окончательного присоединения бельгийских провинций к Голландии Его Величество король Нидерландский имел желание предложить державам, заключившим Шомонский трактат 17 февраля (1 марта) 1814 г., принять от него вознаграждение, по возможности соразмерное, за суммы ими издержанные для освобождения оных провинций от власти неприятеля; ныне, как сими державами с общего согласия и вследствие особых между ними в рассуждении сего условий положено все права их на таковое вознаграждение предоставить Его Величеству императору всероссийскому: то Его Величество король Нидерландский решился приступить немедленно к заключению с Его Императорским Величеством ниже следующей конвенции, в коей и его Величество король Великобритании и Ирландии равномерно участвует как одна из договаривающихся сторон в силу обязанностей, принятых Его Великобританским Величеством через подписанную между ними Его Величеством королем Нидерландским в Лондоне 1 (13) августа 1814 г. конвенцию» (за присоединение Бельгии к Голландии в 1815 г. Голландия уступила Англии Цейлон, Капскую колонию, Бербис, Демерари и Эссекибо) [1, с. 229].

В соответствии с русско-англо-голландской конвенцией Голландия принимала на себя обязанность заплатить часть капитала и невыплаченных по 1 января 1816 г. процентов тех сумм, которые были заняты Россией в Голландии через посредство амстердамского торгового дома «Норе & Со», а именно 25 млн гульденов. Английский король со своей стороны принимал обязанность предложить своему парламенту предоставить ему средства для уплаты такой же части данного долга (ст. 1). «Для исполнения принятых ими относительно сего долга равных обязанностей Их Величества король Нидерландский и король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии имеют с сего же дня выплачивать ежегодно проценты за вышеозначенные капитальные суммы, то есть каждый за 25 млн гульденов, считая по 5 на 100, и сверх того по 1 на 100 для погашения самого долга. По требованию российского правительства сия последняя на погашение долга определяемая сумма может быть увеличена, но только до 3 на 100. Ежегодная выдача всех оных сумм долженствует продолжаться до того времени, когда по вышеозначенным частям долга воспоследует совершенная уплата» (ст. 2). «Ответствовать за сей долг перед займодавцами и управлять всеми по оному сделками будет, как и прежде, одно правительство российское, а правительства нидерландское и великобританское обязываются выплачивать, как сказано выше, следующее с их частей Его Величеству императору Всероссийскому (ст. 4). «Выдача сумм, к коей обязались Их Величества король Нидерландский и король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, долженствует прекратиться, буде его нидерландское Величество лишится состоящих ныне в его державном владении бельгийских провинций прежде совершенной

уплаты означенного долга» (ст. 5), однако выдача сумм не должна была быть ни прекращена, ни останавливаема даже тогда, если бы случилась война между которыми-либо из трех договаривающихся держав [9, т. 33, с. 108–110]. В особой секретной статье было условлено, что если король нидерландский лишится владычества над частью бельгийских провинций, то из долга Нидерландов и Англии будет исключена часть, соответствующая народонаселению этих провинций. В случае захвата бельгийских провинций неприятелем на срок более года великобританское и нидерландское правительства могли приостановить оплату своей части долга [8, л. 61 об.].

В результате заключения конвенции курс русских облигаций по голландскому долгу поднялся с 65 % до 86 % [5, с. 89], а 31 марта 1816 г. будет введён в действие новый таможенный тариф, по которому британские купцы получают значительные привилегии [6, с. 260]. При этом Д. М. Хартли считает, что русская сторона извлекла из этой операции больше выгод, т. к. за освобождение от части долга приняла тариф, соответствующий и её интересам [12, с. 180].

Таким образом, Российская империя сумела с выгодой для себя использовать победоносное завершение «наполеоновских войн» не только политическими приобретениями, но и экономическими преференциями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бауман, Г. Г.** Великая французская революция и Нидерланды / Г. Г. Бауман // Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология. – Москва: Наука, 1988. – С. 208–231.
2. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Рос. м-ва иностр. дел // М-во иностр. дел СССР, Комис. по изд. дипломат. документов при МИД СССР. Сер. 1. – Москва: Госполитиздат, 1970. – Т. 7. – 872 с.
3. **Гейлер, И. К.** Сборник сведений о процентных бумагах (фондах, акциях и облигациях) России. Руководство для помещения капитала / И. К. Гейлер. – Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и комп., 1871. – 496 с.
4. Начертание настоящего положения финансов и мер, к их усовершению предполагаемых, 26 августа 1814 г. // Российский государственный исторический архив. – Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 132.
5. **Гурьев, Д. А.** О государственных долгах и Комиссии погашения долгов / Д. А. Гурьев // Сборник сведений и материалов по ведомству М-ва финансов. – 1866. – Т. 3, № 11–12. – С. 76–94.
6. **Орлов, А. А.** Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн: монография / А. А. Орлов. – Москва: Прогресс-Традиция, 2005. – 368 с.
7. Отчет Государственных кредитных установлений за 1817 год. – Санкт-Петербург: Тип. департамента народного просвещения, 1818. – 44 с.
8. Отчет Особенной канцелярии Министерства финансов по кредитной части за 1830 год // Российский государственный исторический архив. – Ф. 560. Оп. 38. Д. 284. Л. 179.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – Санкт-Петербург: Тип. 2-го отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 1–45.

10. Счёт суммам, определённым на платёж долгов с 1812 по 1822 год // Российский государственный исторический архив. – Ф. 565. Оп. 14. Д. 155.

11. **Тургенев, Н. И.** Россия и русские: монография / Н. И. Тургенев. – Москва: ОГИ, 2001. – 744 с.

12. **Хартли, Д. М.** «Возражение вызывает не российское законодательство ...». Из истории англо-русских торговых отношений в 1814–1815 гг. / Д. М. Хартли // Исторический архив. – 1995. – № 1. – С. 179–187.

УДК 94(470)

А. В. Баранов

КАЗАЧЬЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ НА ЮГЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НЭПА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Определены тенденции развития землепользования донских, кубанских и терских казаков в 1921–1927 гг. Выявлены различия советской земельной политики на основных этапах реформ, противоречия между приоритетами НЭПа и коллективизации в земельном вопросе на Юге РСФСР.

Ключевые слова: землепользование, НЭП, казачество, Юг России, тенденции развития.

Цель статьи – выяснить тенденции развития землепользования донских, кубанских и терских казаков в 1921–1927 гг. Своеобразие Юга России ярко проявлялось в структуре землевладения. Если в Европейской России надельное общинное землевладение составляло на 1917 г. 33 % используемых площадей, то в крае – 75 % [1, с. 6]. Средний надел хозяйства к 1917 г. в Европейской России составлял 4,7 дес.; на Дону – 6,2 дес.; на Кубани – 9,3 дес. земли [2, с. 51]. Львиная доля фонда землепользования принадлежала казачьим войскам (80,2 % на Дону, 78 % на Кубани и 60 % на Тереке) [3, с. 143; 4, с. 25; 5, с. 27, 47]. Основная часть земель казачьих войск была в надельном пользовании станичных обществ. Весь земельный фонд края состоял на 71,8 % из надельных земель; на 11,9 % – из частновладельческих; на 16,3 % – из войсковых [6, с. 30].

ВЦИК и СНК РСФСР приняли 18 ноября 1920 г. декрет «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях». Декрет сохранил землепользование казачьих трудовых хозяйств в размерах обслуживания без применения наемного труда. Безземельные и малоземельные жители должны были обеспечиваться из фонда нетрудового пользования по нормам. Запрещалась аренда и купля-продажа наделов [7]. Декрет отложил уравнительный передел всех земель в пользу неимущих и переселенцев. Конфискация нетрудовых частновладельческих земель охватила 18,7 % используемых площадей в крае (3964,3 тыс. дес.). К концу 1922 г. 1975,9 тыс. дес. (49,8 % перераспределенного фонда) отошли в пользование индивидуальных хозяйств,